

Михаил Роднов

Наследство, которое оставили нам предки

В 1550-е годы башкирские племена одно за другим мирно и по собственной воле стали принимать подданство московского царя Иоанна Васильевича Четвёртого. С этого времени Южный Урал входит в состав России. Чтобы лучше почувствовать и понять всю глубину и масштаб исторического взаимопроникновения и сотрудничества России и Башкортостана, увидеть протяжённость пройденного пути навстречу друг другу, не лишне бросить взгляд на карту Западной Европы середины XVI в.

Шотландская королева Мария Стюарт не прочь сесть на престол своего южного соседа, Англии. Недавно обрела независимость Швеция, освободившись от датского господства. На месте современных Германии и Италии – мешанина грызущихся друг с другом княжеств, графств и городов. В муках и огне кровавых войн рождаются Нидерланды. Центральную Европу никак не могут поделить турки, австрийцы и поляки. Кроились и перекраивались границы, возникали и рушились империи, в небытие ушли Прусский орден, Венецианская и Генуэзская республики, королевства Неаполитанское и Баварское. А башкиры как жили, так и живут в составе Российской державы. Только три европейских страны – Франция, Испания и Португалия по давности непрерывного исторического существования могут сравниться с Россией эпохи Ивана Грозного.

В действительности связи башкирского и русского народов уходят корнями в архаику славяно-тюркского взаимодействия. Когда на обширных просторах северного Причерноморья процветали различные племена, на которые распалось балто-славянское единство, с востока обрушился на них ураган гуннского нашествия, началось Великое переселение народов. Спасаясь от безжалостных кочевников, земледельческие племена стали уходить на восток по кромке леса и степи. Беженцы достигли Волги в районе Жигулёвских гор, расселились по Нижней Каме

Михаил Игоревич Роднов – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

и вдоль реки Белой, вплоть до территории современного города Уфы. Найденные археологами остатки их поселений получили название «Именьковская культура». Современные учёные прямо причисляют её к группе древнеславянских культур, в советское время её носителей отождествляли с балтами.

Часть этого населения (славяно-балтского?), вполне вероятно, осталась на Южном Урале, войдя в состав современного башкирского народа. В науке высказывалась гипотеза о происхождении названия «Уфа» из балтийских языков (*ufre* – вода). На севере Башкортостана, в верхнем течении реки Уфа, до сих пор живут потомки башкирского племени «упей».

Территория современного Башкортостана в 500-900-е гг. представляла собой крайне пёструю этническую мозаику. Вперемежку здесь проживали племена, говорившие на угро-финских языках, иранских (потомки сарматов – алан), самодийских, славянских (балто-славянских?) и других. И это не случайно: горы, покрытые густыми широколиственными лесами, укромные долины с привольными лугами и плодородными пойменными землями испокон века кормили здешних обитателей и укрывали их от врагов. Именно так появились здесь различные тюркоязычные племена, крупнейшим из которых были башкиры, осколок некогда великого союза тюрков-печенегов. Они включили в свой состав многоязычную палитру аборигенов, подарив им язык, культуру и имя башкир.

В домонгольскую эпоху происходило массовое перемещение восточнославянских племён на восток, в долину Волги и её притоков. Археологи обнаружили на территории Башкортостана несколько поселений явно славянского происхождения. Видимо, отдельные семейные группы славян проникали вплоть до Уральских гор. Ну и, конечно, хорошо был известен древним славянам великий волжский речной путь «из Варяг в Хозары». Прекрасно знали они и низовья Камы, тем более, что уже к XII в. многочисленные славянские городища и деревни возникают на Вятке, в Хлыновской землице, а затем и в самих верховьях Камы. Спускаясь вниз по рекам к Волге, древнерусские струги проносились мимо большого левого притока Камы, отличавшегося необычным цветом воды.

Старые речники ещё помнят, как в тех местах, где ныне плещутся воды Нижнекамского водохранилища, встречались и долго текли рядом, не смешиваясь, тёмные воды Камы и белёдые потоки реки Белой. В верхнем течении последней находятся известковые горы – остатки древних коралловых рифов. Растворённый в воде известняк и придаёт ей беловатый цвет. Это явление можно наблюдать и теперь возле Уфы, где в реку Белую (по башкирски Агидель; *ак-белый, идель-река*) вливаются тёмные воды её главного притока Уфимки (по башкирски Караидель, Чёрная река).

Белая, главная река Башкортостана, – особенная. Нет ни одной сколько-нибудь крупной реки в Волжско-Камском бассейне,

которая бы именовалась по своим естественно-географическим свойствам (быстрая, широкая, холодная и пр.). Все реки здесь имеют исторические названия, кроме Агидели. И русское наименование – Белая – это просто калька, дословный перевод с тюркского. В древнерусских летописях встречается самое раннее русское прозвище реки – Белая Воложка, то есть маленькая Волга. Наверняка русские купцы, а то и лихие речные разбойники-«ушкуйники» захаживали из Волги в тёмную Каму, а оттуда в низовья Белой. Достоверно известно, что в 1220 г. войско владими́ро-суздальского князя совершило поход на Булгарское царство, выйдя из «Юстьюга на верх Камы». Из современного города Великого Устюга дружина прошла по всей Каме до самого её устья и впадения в Волгу. И не заметить большого левого притока с беловатой водой суздальцы не могли.

В середине XIII в., после отчаянного сопротивления башкир, монголы включили их земли в состав Золотой Орды. Впрочем, уже в 1324 г. брат знаменитого московского князя Ивана Калиты Юрий Данилович выйдя с войском опять же из Устюга, «поиде... в Орду, а шёл на Пермь Великую и поиде по Каме реке», то есть вновь русская дружина прошла по всей Каме, миновал и устье Белой.

В середине XV в. начались длительные московско-казанские войны. Враждующие стороны на речных судах и конным строем вдоль берега совершали взаимные набеги по Каме и Вятке. Софийская вторая летопись под 1468 г. сообщала: «а воеводы великого князя повоеваша Черемису по Вятке реце, и поидоша из Вятки по Каме на низ ... да опять воротилися вверх, воюючи казанские же места. И в Белую Воложку ходили воевать, и поидоша оттоле на Пермь Великую да к Устюгу». В ответ в 1469 г. казанский хан Ибрагим предпринял ответный поход на русских и «собрался на них ... со всею землёю своею, с Камскою ... из Беловолжскою и Вотяцкою и з Башкирскою».

Эти войны, продолжавшиеся почти целое столетие, до взятия Казани в 1552 г., опустошали земли западных башкир. Русские нападали на Казанское ханство не только с запада, но и с северо-востока, с Вятки и Камы. Не случайно, непосредственно на берегах Камы башкирских деревень не было. Местные племена жили на некотором удалении от опасных речных берегов, вдоль которых поныне, в основном, располагаются русские селения.

Борьба двух государств за контроль над Волжским речным путём закончилась, как

известно, победой Москвы. В 1552 г. город Казань была взята штурмом. Однако ещё несколько лет шли кровавые сражения, покорение местного населения. Осенью 1554 г. большой полк Шереметева и Салтыкова, сторожевой полк Курбского и Вороного «ходили вверх по Каме на 250 вёрст до башкирских земель». В жизни рассеянных по лесам, горам и степным урочищам башкирских племён наступил новый этап истории.

Западные башкирские племена к 1550-м годам находились под властью Казанского ханства. Но свидетельств их участия в защите Казани и войне с русскими нет. Видимо, подданные не очень спешили отдать свои жизни за далёкого властелина, не забывавшего собирать с них *ясак* (дань). Когда же русские рати, заливая кровью татарские земли, подошли к башкирским пределам, встал вопрос: что дальше? Воевать в неведомых бескрайних просторах – зачем, для чего? Тем более, что на западных границах Московского царства разгоралась пламя войны из-за Ливонского ордена. Могучие Швеция, Речь Посполитая и прочие противники собирались с силами. Затеивать в этих условиях новую войну на востоке не имело никакого смысла.

Москве требовалось только одно – обеспечить безопасность стратегически важного речного пути по Каме, откуда с верховьев на Русь поступал бесценный товар – соль. По камским берегам вырастает цепочка крепостей – Лаишев, Елабуга, Оса, Сарапул, а местным башкирам, видимо, было предложено (документальные свидетельства не сохранились) перейти под длань московского царя на прежних условиях, как при казанских ханах. За ними оставлялись их земли, свобода исповедания мусульманской религии, обязанность вносить небольшой *ясак* (налог) пушниной и, главное, защищать камский речной путь с востока. Дальше, к Уральским горам, русское государство ещё не стремилось, на освоение этих огромных территорий просто не хватало ресурсов. Примерно в 1554–1555 гг. западные башкирские племена, проживавшие вдоль Камы, в самых низовьях Белой, по реке Ик и другим её притокам, приняли московское подданство, а в 1557 г. за ними последовали прикамские удмурты. Но затем произошло неожиданное.

Видимо прослышав о весьма льготных условиях подданства у «белого царя», башкирские племена центрального и южного Башкортостана посылают своих представителей, как записано в башкирских

Башкиры. 1809. Гравюра В.В. Мельникова. Раскраска акварелью Е.М. Корнеева.

преданиях – *шежере*, к русским воеводам с просьбами принять и их под власть Ивана Грозного. Это было совершенно добровольное волеизъявление, Москва никакой агитации не вела.

Но тут запахло международным скандалом. И очень большим. Дело в том, что основная часть территории современного Башкортостана находилась под властью Ногайской орды. Прямо на месте города Уфы располагалась ставка ногайского наместника, управлявшего краем. А Ногайская орда, способная выставить конное войско, равное московскому, была са-

мым главным союзником Москвы на востоке. Именно из-за невмешательства ногаев Ивану Грозному удалось взять Казань. И ссориться с могучим союзником, переманивать его подданных, когда началась Ливонская война, мог только сумасшедший. Выскажем гипотезу. Наверное, казанские воеводы согласились принять в российское подданство центральных и южных башкир... по недоразумению. Слабо знали географию московские бояре и дьяки, отправленные «рулить» над Казанью. Надо полагать, и башкирские посланники тоже не слишком распространились

о навевывавшихся к ним за ясаком ногайских сборщиках налогов.

Решение башкирских племён, их элиты той эпохи, было нестандартным, отважным и, повторимся, – строго добровольным. Ведь они переходили под власть царя-иноверца! А если бы ногаи прослышали про измену и нагрянули с войском, Москва точно бы не стала их защищать и ссориться с нужным восточным союзником, когда все армии находятся на западе. Нетрудно догадаться, что у башкир имелись очень и очень существенные причины, толкнувшие их на столь судьбоносный шаг. Кочевники-ногаи использовали южный и центральный Башкортостан в качестве летних пастбищ, вытесняя башкир с их родовых владений, загоняли в леса и горы. Именно ногаи обложили башкир регулярной данью – ясаком. В огромной Золотой Орде доходы с отдалённых племён мало интересовали могучих ханов, зато в более скромном Ногайском государстве налоги тщательно считали.

И у башкир был законный повод уйти к Москве. Ногайские князья-*бши* были, говоря современным языком, нелегитимными. Веками на просторах Евразии правили чингизиды, происходившие от потомков самого Чингисхана. А ногайские властители таковыми не являлись, они самовольно захватили власть, ни больше и ни меньше – узурпаторы. Кстати, московские великие князья находились в династической системе чингизидов: получали ранее ярлык

на княжение из ханских рук, роднились с золотоордынцами.

Поэтому ещё десятилетия Центральный и Южный Башкортостан оставался как бы зоной двойного сюзеренитета, оба государства считали местных жителей своими подданными, что было в общем нормально для той эпохи. Лишь в конце XVI в., когда отношения Москвы с ногаями испортились, а сама некогда великая Ногайская орда ослабла, превратившись в заурядное кочевое сообщество, по царскому указу были спешно поставлены крепости Самара и Уфа, затем Саратов, Царицын, и Российская держава властно, на века встала на заволжских землях.

А башкиры? Башкиры не прогадали. До сих пор в легендах, книгах и телевизионных передачах воспеваются старшины башкирских племён, принявшие русское подданство, их могилы являются объектом почитания. Мудрость предков достойна похвалы! По материалам последней всероссийской переписи 2002 г. в Российской Федерации башкир насчитывается 1,7 млн человек – это четвёртый по численности этнос. А ногайцев в 2002 г. была всего 91 тысяча. Маленький народ на Северном Кавказе не имеет национально-территориальной автономии и находится в непростом экономическом положении.

Первые века пребывания Башкортостана в составе Российского государства очень плохо освещены историческими

источниками. Пожары – бич деревянных городов прошлого – уничтожили и архив Казанского дворца (ведомства, управлявшего восточными землями), и уфимский воеводский архив. Некоторые современные историки, пытаясь спекулировать на этом, утверждают, что Башкортостан XVI–XVII вв. был формально присоединённой территорией, а фактически жил сам по себе. В 1990-е годы в Уфе на русском языке издалиopus малоизвестного американского историка А. Донелли под претенциозным названием «Завоевание Башкирии Россией», где автор это самое «завоевание» отнёс аж к 1730-м годам.

Как же обстояло дело в действительности?

Как известно, экономика России в наши дни в значительной степени держится на экспорте. До большевиков Россия являлась крупнейшим экспортёром хлеба, в эпоху Екатерины сотни кораблей везли в Западную Европу уральский металл, пеньку, лес. А что являлось главным экспортным товаром в допетровской Руси? «Мягкая рухлядь» – пушнина, меха. На картинах великих европейских художников короли и знатные люди изображены в русских соболях и горностаях. Зачем хлынула масса народа в Сибирь? За пушниной. Как теперь течёт из Западной Сибири река нефти и газа, так и в XVII в. через таинственную Мангазею шли караваны с тюками, набитыми драгоценными соболями.

Башкиры вносили ясак как раз мехами. На гербе Уфы и всех остальных городов края красуется куница – главный символ края.

Но Башкортостан – не Сибирь, тут не нужно было никого завоевывать, приводить к присяге и, следовательно, фиксировать это документально. Местный народ и так в подданстве у царя-батюшки. А удобный и достаточно безопасный речной путь по Волге – Каме – Белой позволял на небольших стругах за несколько недель по весенней воде из Нижнего, Свияжска, Козьмодемьянска, вятских и пермских городков достичь башкирских земель, сторговать здесь заготовленную за зиму пушнину, продать изделия ремесленников, соль, хлеб и прочий товар и быстренько вернуться домой. Такова была деятельность мелкого и среднего бизнеса, не контролировавшегося казной, и потому плохо отражённая в документах.

Начиная с 1550-х гг., в край, по всей видимости, устремились многочисленные торговые товарищества, ватаги промысловиков, «охотников за зипунами». Как на Русском Севере и позднее в Сибири, первые русские поселения в Башкортостане носили промышленный, а не земледельческий характер. Народ здесь добывал или скупал рыбу (а тогда в местных реках водилась и нерестилась красная рыба, ныне почти истреблённый каспийский лосось под 40 кг весом), пушнину, хмель, мёд, кожи и т.д. Сохранившийся пофамильный список жителей одного из первых русских поселений в крае – прикамского села Никола-Берёзовки за 1621 г. недвусмысленно характеризует первопоселенцев: Сухоплюй, Вепрь, Пан и Король, двое Пьянковых,

Сцены из домашней жизни башкир.

Казаков, Безум, Крюк, Гуляйко, Шатун, ещё двое по фамилии Пьянко, Праздник, Резвой, Сабля, Брашник, Кувалда, Халева, Веселой, Торопыгин...

Основной поток первых русских переселенцев шёл с севера, с верхней Камы и Северной Двины, из славного города Великого Устюга. В 1621 г. среди жителей Николо-Берёзовки встречаем типичное архангелогородское произношение имён и фамилий на – **о** (Обросимко, Ефремко, Масло, Голово). Часто встречаются фамилии, отражающие географические названия окрестностей Устюга: Лузянин (река Луза, приток Юга и Северной Двины), Верховалцев (р. Лала – приток Лузы), Сысолятин (город Усть-Сысольск – современный Сыктывкар), Чухломец и пр. Абсолютное большинство русского населения Башкортостана севернее широты Уфы – это потомки вольных архангельских поморов, вятчан, пермяки-«солёны уши», ярославцы, вологжане. Северорусские окающие говоры легли в основу большинства местных диалектов.

Даже в советское время эта традиция продолжилась. В годы Великой Отечественной войны в Уфу был переведён ряд крупных машиностроительных предприятий из Рыбинска, с которыми приехала масса народа. Северная часть Уфы, именуемая Черниковкой, преимущественно заселена их потомками. Среди уфимских старожил слово «рыбинский» – обидная кличка. Буйные мигранты эпохи первых

пятилеток, в основном бывшие ссыльные и раскулаченные, оставили по себе крепкую память. Автору недавно довелось побывать в командировке в Рыбинске, и каждый второй встречный, узнав о моём уфимском происхождении, тут же вспоминал своих родственников в Уфе.

Основу русского крестьянского населения Башкортостана (бывшие государственные, удельные и другие разряды) составляли северные русские. Именно с русского Севера на восток, на Урал и в Сибирь веками шёл поток переселенцев, часть этой широкой миграционной волны захватывала и Южный Урал. Плодородные башкирские земли манили новосёлов невиданными урожаями. В притоке русских переселенцев наблюдается определённая цикличность, волны следовали одна за другой примерно через 40–50 лет. Причину опять находим в экономике.

На севере Европейской России господствовала переложная система земледелия. Многолюдные общины выжигали леса и на расчищенных полях получали отличные урожаи. Через несколько лет приходилось переходить на новые места, поскольку скудные лесные почвы быстро истощались и требовалось много времени для восстановления естественного плодородия земли. Наступал момент, когда пашня вокруг деревни оказывалась вся выпахана, а жителей становилось за эти благоприятные годы больше. Для избы-

Литография по акварели А. Докучаева. Москва. 1904.

точного населения оставался единственный выход – переселение на восток или на юго-восток (в Башкортостан).

Трудолюбивые, предприимчивые, мастеровитые, не знавшие никогда крепостного права северяне селились в лесных чащобах, удивляя всех своей энергией и инициативой. На северо-востоке Башкортостана раскинулись большие русские селения Месягутово, Дуван, Белокатай (русские часто давали местные названия своим новым деревням). Там живут потомки переселенцев из Пермской губернии, «кунгуряков», спешно обустроившихся здесь на рубеже XVIII–XIX вв. На недавно ещё пустынных холмах быстро выросли сёла в сотни дворов. Лишь в последнее время удалось разгадать эту загадку. Оказывается, в эти годы уральские горнозаводчики, испытывая нехватку рабочих рук, стали обращаться к правительству с просьбой причислить к их предприятиям соседних государственных крестьян, которые вместо уплаты подушной подати стали бы трудиться на заводе. В 1780–1790-х гг. по уральским деревням юга Пермской губернии (Кунгурский, Красноуфимский и другие уезды) прокатились страшные слухи, что крестьян обратят в крепостных, отправят на заводские работы, где будет хуже, чем на торговле. И самые отчаянные и предприимчивые «кунгуряки» решаются купить землю у соседей-башкир и сняться с насиженных мест. Изучение фамилий переселенцев по-

казывает, что из деревень уходили не группы родственников, как обычно бывало, а отдельные семьи наиболее смелых и рискованных крестьян. В ментальности русских Башкортостана остались, по нашему мнению, эти черты – дух первооткрывательства, пионерского освоения неведомых земель, открытость новому, уверенность в своих силах.

В южные и горно-лесные районы Башкортостана помещики и хозяева металлургических предприятий перевозили крепостных. После отмены рабства в 1861 г. стали прибывать массы новосёлов из южнорусских губерний, их поток особенно увеличился, когда в 1888 г. появилась железная дорога до Уфы. Во второй половине XIX в. возникли сплошные районы расселения русских в южной части края, в этот же период приезжает много украинцев и белорусов. А города Башкортостана с самого своего возникновения были, в основном, заселены русским военно-служилым, ремесленным, торговым людом. Были в крае и казачьи станицы.

Оказавшись в соседстве с народами, говорившими на разных языках и исповедовавшими разные религии – от мусульман башкир и татар до язычников марийцев и удмуртов, – русские учились жить в мире и согласии с соседями. Столетия тесного сотрудничества не прошли бесследно. Последние межнациональные

конфликты в Башкортостане относятся к началу XVIII в. Даже в годы Гражданской войны, когда распались все законы государственные и Божеские, никаких сколько-нибудь заметных конфликтов на национальной или религиозной почве не происходило. Эта особенность Среднего Поволжья и Южного Урала сохранилась до наших дней. Когда на Кавказе, в Причерноморье, Средней Азии кипят страсти, бушует пламя межэтнических разногласий, вплоть до кровавых усобиц и войн, наш регион остаётся очагом мира и спокойствия. Вековые традиции толерантности выработали противоядие к ксенофобии, к любому экстремизму на религиозно-национальной основе.

Эту особенность Башкортостана замечали давно. Писатель Василий Иванович Немирович-Данченко, брат знаменитого театрального режиссёра, в конце XIX в. путешествовал по Каме и на пароходе стал свидетелем сцены вечерней молитвы нескольких пассажиров-мусульман. Увидев, как они постелили на корме молитвенные коврики, остальные пассажиры деликатно отошли в сторону, стараясь не шуметь, не мешать людям общаться с Богом. Писатель был поражён: незадолго до этого он наблюдал совершенно иную картину во время плавания по Чёрному морю: молившиеся на судне горцы-мусульмане стали мишенью насмешек и оскорблений остальных путников.

В июле 1910 г. окрестности Николо-Берёзовки посетила княгиня Елизавета Фёдо-

ровна, уже принявшая постриг и ставшая игуменьей знаменитой Марфо-Мариинской обители в Москве. Сестра жены императора Николая II (впоследствии принявшая мученическую смерть от большевиков и ныне причисленная к лику святых) решила осмотреть ближайшие русские и марийские деревни. В священной роще язычников-марийцев в специально устроенном шатре Елизавета Фёдоровна откушала чаю и тем почтила «старинное чистое черемисское место».

Во время следующего визита в 1914 г. царствующую особу приветствовали хоры: русский, крещёно-татарский и марийский. Ни организаторов торжеств, ни свидетелей этих визитов не удивляло общение великой княгини и православной монахини с иноверцами и иноплеменниками. Современники, оставившие несколько подробных описаний визитов, просто не обратили на это никакого внимания.

Уже тогда, в начале XX столетия, многонациональная палитра считалась естественным явлением, так же, как в наши дни никакой концерт в Уфе не обходится без русских, башкирских, татарских, чувашских и иных песен и танцев. Восприятие многонациональности окружающего мира как нормального состояния общества, бережное, уважительное отношение к соседу, другу, коллеге по профессии другой религии и национальности, признание равноправия в языковой среде, толерантность в самом широком смысле слова – самое важное наследство, которое оставили нам предки.

Уфа. Дом дворянства. 1900-е гг.

В оформлении статьи использованы иллюстрации из издания: Живописная Россия. СПб. – М. Т. VIII, ч. II.